

ПРОБЛЕМА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ КАЗАЧЬЕЙ ТОРГОВЛИ И ИНОГОРОДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА ДОНУ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

БУЛЫГИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

*аспирант кафедры политической истории исторического факультета,
Южный федеральный университет*

В статье на основе историко-экономического анализа исследуется положение казачества в общеимперской торговле.

Ключевые слова: казачество; донской рынок; капитал.

In the article the Cossacks position in the imperial trade is investigated on the basis of historical and economic analysis.

Keywords: Cossacks, Don market, capital.

Коды классификатора JEL: E22, F14, N90.

Попытки найти подобающее место современным казакам вполне резонно должны формироваться, учитывая опыт исследований, касающихся выяснения положения казачества на Дону в дореволюционное время. Особенно это относится к осмыслению хозяйственной роли казака. Роли, с одной стороны, второстепенной, а с другой — необходимой для поддержания жизнеспособности любого без исключений социального слоя. Военское призвание казачества и связанные с этим обязанности долгое время не давали казаку возможностей заниматься хозяйством. В то же время, когда они появились, оказалось, что по различным причинам казачество не готово возглавить и повести за собой торгово-промышленную жизнь края. Почему так происходило? Попытка разобраться в этом представляет актуальную задачу еще и потому, что с начала 2000-х годов в донской рынок активно включились крупные столичные предприниматели и торговые сети. Анализ пореформенной ситуации может дать современному донскому краю опыт оценки глобализационных тенденций более чем столетней давности.

Разрешение иногородним в 1860-е селиться и иметь собственность в пределах Войска стало дополнительным стимулом для проникновения на

Дон неказачьих предпринимателей. Конечно, казаки никогда не играли доминирующей роли в экономике Донского края. В конце XIX века им принадлежала лишь пятая часть всех торгово-промышленных предприятий области, причем это были в основном мелкие и средние предприятия, доля которых в общем коммерческом обороте 1898 года составляла 6,5% (*Сущенко 1997, 234–237*). Остальные доли приходились на иностранный (почти 29%) и российский невойсковой капитал. Потомственное казачество значительно уступало в масштабах предпринимательской деятельности как своим иногородним партнерам, так и иностранцам. В численном отношении на рубеже XIX–XX вв. неказачам и иностранцам принадлежало три четверти всех торгово-промышленных предприятий области с общим годовым оборотом более 180 миллионов рублей (*Самарина 1992, 6–12*).

Сведения, взятые из «Статистического обзора торгово-промышленной деятельности казачьего населения с 1894 по 1898 гг.», хотя и позволяют выяснить приблизительное соотношение позиций иностранного, невойскового и казачьего капиталов в конце XIX века, но не дают возможности точно определить численность донских предпринимателей (*Самарина 1992, 44–45*). Доминирование иногородних купцов отмечалось уже современниками (*Номикосов 1884, 552–554*). С.С. Номикосов первым заявил, что не представляется возможным определить капитал иногородних купцов и мелких торговцев, проживающих в пределах области. По его мнению, торговля этих лиц основана большей частью на кредите, открываемом преимущественно вне пределов области — Москве, Харькове или Нижегородской ярмарке. Показатели торговли во многом носили примерный характер, и точные данные о торговых оборотах, особенно на начало XIX века, найти сложно: тем более что реальное состояние дел с декларируемым у торговцев никогда не сходилось (*Номикосов 1884, 552–554*).

Пореформенное проникновение рыночных отношений в казачью среду выявило и обострило противоречие между военной и хозяйственной ролями казака. На фоне преуспевающих зажиточных крестьянских (иногородних) хозяйств казачье хозяйство не блистало. Пытаясь улучшить свое материальное положение, казак нередко осознавал, что длительная военная служба в условиях капитализации является тяжким бременем, консервирующим его хозяйство. Компенсация в виде дешевой рабочей силы в лице «иногородних-квартирантов» была недостаточной. Сложившаяся система войскового землепользования от имущественного расслоения убедить не могла. В казачестве появилась мысль об «оскудении» сословия, причины которого виделись в лице все более увеличивающегося количества иногородних (*Щетнев*). «Как только прошла острая нужда в заселении края и обнаружился стеснения в землепользовании, иногородец потерял свою прежнюю колонизационную цену», — отмечает исследователь Ф.А. Щербина (*Щербина 1913, 688*).

Казачья торговля по составу торговых людей была мононациональной настолько, насколько таковым было казачье общество. На протяжении десятков лет отношения казаков и иногородних в сфере торговли были неоднозначными. Среди казачьего сословия бытовало мнение, что иногородние, пришлые со стороны торговые люди, «размывают» их торговый уклад, как и весь уклад жизни, посягают на «привилегированное» положение казаков. Такое мнения находило отражение и в казачьем законодательстве. Система привилегий сдерживала как выход казачества на всероссийский рынок, так и проникновение торгового опыта извне. Правила торговли по отношению к иногородним до Положения 1885 года были преимущественно запретительными. Возможно, все это и определило ту сравнительно небольшую долю, которую имели в общей предпринимательской массе казачьи предприниматели.

Государственный архив до сих пор хранит конкретные проявления попыток борьбы с засильем иногородних в донском хозяйстве. В конце XIX века представители Торгового общества обратились к атаману и добились запрещения распродаж и скидок с товаров¹. Доверенные Общества нашли, что распродажи завлекают доверчивую публику к невероятным тратам: без разбора под видом дешевого приобретаются лишние товары в ущерб предметам первой необходимости. «Увлечение ложной дешевизной доходит до того, что доверчивые покупательницы, точь-в-точь как азартные игроки, спускают все наличные деньги, входят даже в долги, приобретая подчас совсем не нужные им товары»².

Доверенные сходились на том, что такая торговля не соответствует высоте своего призвания: настоящий товар имеет цену и продаваться с уступками, т.е. согласно такой логике «обманным путем», просто не может. Постановление от 28 июня 1893 г. запрещало печатание в местных газетах, распространение распродаж в обществе, вывесок с надписью «распродажа» на окна магазинов и витрин, расклейку в разных местах с целью привлечения большего наплыва покупателей объявлений (реклам) о распродажах в магазинах, лавках и складах остатков товаров и скидок с цен по случаю накопления товаров. Допускалось лишь распространение объявлений без всяких воззваний и обозначения цен: извещений о получении новых товаров, перемещении торговли или открытии торговли вновь.

Казачья торговля в пользу покупателей объясняли тем, что эта подрывная деятельность шла исключительно от иногородних торговцев. Коренные негоцианты, по словам доверенных, таких приемов не знали. Пореформенное время 1860–1870-х гг. открыло для неказачьих предпринимателей возможность селиться в пределах области и иметь собственность и предприятия на войсковой земле. Попытки казаков повлиять на ситуацию законодательным образом явились своеобразной консервативной защитой местной торгов-

¹ См.: ГАРО. Ф. 200 Оп.1. Д. № 922. Л. 7.

² См.: ГАРО. Ф. 200 Оп.1. Д. № 922. Л. 7.

ли от проявления глобализационных тенденций. В декабре 1895 г. Областное правление войска Донского объявило, что Войсковой наказной атаман Н.И. Святополк-Мирский отменил свое постановление о так называемых «дешевых распродажах» как не достигающее намеченной цели. Однако отмена постановления не поколебала торговых казаков, направивших похожие обращения и следующему донскому атаману — К.К. Максимовичу. В 1901 г. запрещение распродаж было восстановлено, но сведений о проблемах с исполнением данного акта в дальнейшем архивный фонд Торгового общества не сообщает.

Войско Донское не скупилось на запреты по отношению к иногородним купцам. До середины XIX века им не разрешалось приобретать недвижимость в Новочеркасске и по всей территории Войска. Преодолению отчуждения торговых казаков от всего русского торгового сословия могло послужить предоставление торговым казакам гильдейских торговых прав, которые во многом гарантировали бы свободу казачьей торговли и повышали ее значение в деловом мире России. Соответствующий запрос казаками торгового общества был сделан еще в конце 1830-х гг., а в 1841 году был решен положительно³. Однако сказать, что торговое сословие донских казаков после этого массово вышло на российский рынок, будет большим преувеличением. Архивные материалы доказывают, что массовая казачья торговля и предпринимательство были нацелены, прежде всего, на внутренний рынок.

Казачество всегда было, прежде всего, военным сословием. Однако, вольное и свободолюбивое по духу, оно не могло не противостоять наплыву и экономическому засилью иногородних. Дискуссии на эту тему начались еще в дореволюционное время.

По мнению донского общественного деятеля, историка В.А. Харламова, политика Российской империи по созданию из казаков «особой касты воинов» привела к «искусственной обособленности казачества», формированию у сословия неприязни к «иногородним», «к русскому обществу» (*Государственная дума. Созыв первый. Сессия первая 1906, 63*). Желая подчинить себе некогда «вольное воинство», государство замещало старые казачьи права новыми привилегиями, тем самым, способствуя обособлению казаков, формированию в их среде идей собственной «особости» (*Морозова 2008*). Более того, всякое ущемление прав и привилегий, действия властей, оцененные как несправедливость, давали казачеству основание считать себя «отчужденным от России».

Иностранные капиталовложения восполняли незначительный приток в отрасли тяжелой промышленности отечественных капиталов, ускоряя освоение природных ресурсов и рост производительных сил края. И даже несмотря на то, что, по словам казачьих авторов, иностранный и иногородний капиталы вытесняли местное купечество, внедрялись в экономику края они в рыночной акционерной форме (*Кислицын и Кислицына 2007, 80*).

³ См.: ГАРО. Ф. 200. Оп. 1 № 7 Л. 1–17.

В то же время, если казаки могли позволить себе рассуждать в узком кругу о несовпадении интересов России и Дона, то другим слоям, а в особенности иногородним, они этого не позволяли. Мариупольские купцы, «греки и иностранцы», во время Крымской войны пожаловались в высшие инстанции на начальника гарнизона Кострюкова за то, что он допустил обстрел города, причинивший разрушения их собственности. Они не могли понять, почему гарнизон не ушел из города или не вступил с неприятелем в переговоры и не сдал города на выгодных условиях⁴. Казачьи офицеры, в свою очередь, были возмущены непатриотичным поведением и тем, что иностранцы еще смеют озвучивать свои претензии (*Морозова 2008*).

К концу XIX века благополучие Торгового общества и казачьего предпринимательства падало. На фоне растущего богатства части иногородних, оскудение рядовых казаков выглядело более явным. Участились призывы восстановить экономическое благосостояние казаков и оградить область от наплыва иногороднего населения, «органически не связанного с казаками и крайне их эксплуатирующего». Деятельность в этом направлении влиятельных лиц Дона и Кубани — начальника штаба Войска Донского князя А.М. Дондукова-Корсакова, наказного атамана Кубанского казачьего войска Г.А. Леонова (*Малукало 2002*), помощника наказного атамана Войска Донского по гражданской части А.М. Грекова⁵ мало повлияла на ход событий, что только закрепило глухое недовольство среди казаков (*Морозова 2008*).

Еще в дореволюционное время появилось другое мнение о роли казаков в донской торговле. С.С. Номикосов считал, что казачья торговля развивалась именно таким образом, который и требовался донскому краю. Анализируя мнение, что распространению торговых оборотов среди казаков препятствовала поголовная воинская повинность, С.С. Номикосов не считал этот фактор главной причиной слабого развития казачьей торговли; а обращал внимание на то, что в области проживает множество иногородних купцов, не обязанных служить и особым стеснениям не подвергающихся. Если бы местные условия требовали большего развития казачьей торговли, она бы развилась сама собой. Ростов вырос в город со сотысячным населением и многомиллионными торговыми оборотами, а в Новочеркасске торговля идет вяло и не привлекает крупных капиталов, но отличие этих городов по отношению к торговле объясняется их географическим положением, а отнюдь не тем, что в Новочеркасске живут казаки, а в Ростове их нет, — полагал исследователь (*Номикосов 1884, 552–554*). Он отмечал, что торговля в пределах области, за немногими исключениями, вполне соответствует

⁴ См.: ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 34. Л. 446.

⁵ См.: ГА РО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 13. 47 (Протоколы заседаний комиссии по вопросу о причинах обеднения Донского казачьего войска и о мерах к восстановлению его благосостояния. 1899 г.).

местным условиям и удовлетворяет потребностям населения, а в торговом посредничестве в пределах области обращаются капиталы в размере едва ли не выше потребности в них (*Номикосов 1884, 552–554*). Таким образом, донской исследователь выдвинул практический, или рыночный, подход к казачьей торговле. То есть, считая уровень участия казачества в донском предпринимательстве именно таким, какой требовался рынку на тот момент. Сложившиеся в пореформенное время экономические связи слабо затронули казачество. Оставалась часть казаков, получившая земли и ставшая землевладельцами, но и они, в своем большинстве оставаясь домохозяевами, не вывели собственные хозяйства на рыночный уровень.

В этой связи интересна позиция В.В. Вольчика, считающего войсковые институциональные условия в большей степени запретительными по отношению к казачьей торгово-промышленной деятельности, основными тормозившими донскую экономику факторами (*Вольчик 2007*).

Рациональное зерно имеется в позициях всех исследователей. В то же время, нельзя забывать и том, что главным призванием казака всегда оставалась защита рубежей родины, поэтому сам вопрос о доминирующем торгово-промышленном влиянии казачества был второстепенным везде, кроме сообщества самих торговых казаков: как в рядах Областного правления и атаманского окружения, так и в военном ведомстве на высшем, правительственном уровне. Это сами торговые казаки не раз писали о положительном влиянии Торгового общества на экономическую жизнь края и благополучие Областного правления, получающего большие суммы от сборов при увеличении состава Общества. Самостоятельно торговые казаки хлопотали о гильдейских правах и требовали искоренить засилье иногородних в экономике края. Никто, кроме них, по-видимому, не был заинтересован в развитии казачьей торговли.

Таким образом, нельзя не отметить противоречия, связанного с активной позицией иногороднего капитала в Области. Несмотря на то, что он восполнял необходимый приток капиталов, казачество винило иногородцев в захвате торгово-промышленного превосходства области и из-за этого слабом состоянии коренного казачьего благосостояния. Попытки борьбы с этим засильем со стороны торговых казаков имели антирыночный характер и выражались в попытках решить проблему с помощью властных структур.

Границы империи отодвинулись на юг, пореформенные процессы размывали казачество, но оно оставалось, прежде всего, воинским сословием. Проблема втягивания его членов в экономическую жизнь края оставалась собственной проблемой торговых казаков.

Накладывала свой отпечаток и долгое время формировавшаяся обособленность казачества от общеимперской торговли. Казачья торговля не смогла влиться в общероссийскую. Сложившиеся к тому времени экономические связи оставляли казачеству по большей части традиционные при-

родные (соляные и горнопромышленные) ресурсы донского края, в то время как торгово-промышленное состояние края не оставляло поля, в которое массово могло бы включиться торговое казачество.

ЛИТЕРАТУРА

Вольчик В.В. (2007). Край упущенных возможностей: институциональная история донского аграрного и торгового предпринимательства. / Материалы международной научной конференции «Российское предпринимательство в XIX — первой трети XX века: личности, фирмы, институциональная среда». Санкт-Петербург. 19–21 октября. (<http://polittheory.narod.ru/lecturer.htm>).

ГАРО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 13. 47 (Протоколы заседаний комиссии по вопросу о причинах обеднения Донского казачьего войска и о мерах к восстановлению его благосостояния. 1899 г.)

ГАРО. Ф. 200. Оп. 1. №7. Л.1–17.

ГАРО. Ф. 200. Оп. 1. Д. № 922. Л. 7.

ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 34. Л. 446.

Государственная дума. Созыв первый. Сессия первая. Стенографические отчеты. СПб., 1906. Т. 1.

Кислицын С.А. и Кислицына И.Г. (2007). История Ростовской области. (От земли Войска Донского до наших дней). Ростов-на-Дону: СКАГС.

Малукало А.Н. (2002). Реформа кавказских казачьих войск кн. А.Н. Дондукова-Корсакова // Казачество России: история и современность: Тезисы Международной научной конференции. Геленджик. 8–11 октября.

Морозова О.М. (2008). О самоидентификации казачьего населения Дона (XVIII в. — 1920 г.) // *Научно-культурологический журнал RELGA*. №13. 20 сентября. (<http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2246&level1=main&level2=articles>).

Номикосов С. (1884). Статистическое описание области войска Донского. Новочеркасск.

Самарина Н.В. (1992). Донская буржуазия в конце XIX — начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории и революционного движения на Дону и Северном Кавказе: XIX — нач. XX в. Ростов-на-Дону.

Сущенко В.А. (1997). История российского предпринимательства. Ростов-на-Дону: Феникс.

Щербина Ф.А. (1913). История Кубанского казачьего войска. Т.П. Екатеринодар.

Щетнев В.Е. Расказачивание как социально-историческая проблема. (http://synopsis.kubsu.ru/new_n/004_97.htm).